

ВНЕБРАЧНЫЙ СЫН ОКТЯБРЯ

Пожалуй, никто у нас не поднял публицистичность рока до такого высокого уровня искусства, как это сделала свердловская группа "Наутилус Помпилиус". Ее появление было подобно взрыву, осколки которого безжалостно и нелюбезно полосовали не обособленных "отдельно взятых" врагов, а демонов рабства внутри самих нас. Планка музыки, текста, исполнения поднята была ими так высоко, что большинство вчерашних героев андерграунда с ремесленным набором примитивной ругани просто перестали быть заметны.

"Наутилус Помпилиус" - это лидер эпохи рока, когда до боли нужно было выговориться, назвать громко все и всех своими именами. Делали это многие. Но художественно точнее, глубже, образнее всех - ребята из Свердловска, которых объединил и возглавил бессменный лидер группы Вячеслав Бутусов.

Он не любит давать интервью. Ему мешают известность и стремление других видеть в "Наутилусе..." только те краски, с которыми они вознеслись на вершину популярности. Инерция восприятия и ожидания публики сковывает свободу и искренность творчества.

Я встретился с ним случайно. Мы летели одним самолетом в Москву. На заднем сиденье "Жигулей" перед зданием аэропорта "Шереметьево-1" и состоялся этот разговор.

- Вячеслав, какие вопросы из тех, что любят задавать журналисты, кажутся вам наиболее неприятными, неприемлемыми?

- Например, вопросы типа: какая или какие из твоих песен тебе больше всего нравятся и тому подобное. И я очень не люблю вопросы, касающиеся наших внутренних разборов. Это настолько деликатный вопрос... объективно проследить трудно. И возникают в результате неправильные версии, иногда в достаточно обидной форме.

- Какие легенды, слухи, сплетни о вас вам показались любопытными и оригинальными?

- Я не могу сказать насчет степени оригинальности, но их много. Они, в принципе, все одного плана. Но вот достаточно интересную легенду я узнал о том, что перерыв в работе был связан, оказывается, с тем, что я ушел в армию на два года. И параллельно - история о трагической любви. О том, что я познакомился где-то с девушкой, и мы с ней вроде как полюбили друг друга крепко. И вдруг меня забирают в армию. Девушка приходит будто бы к моей маме и пытается ей что-то объяснить. Мама, значит, с руганью ее выгоняет, и девушка что-то там с собой делает. В результате чего рождается песня "Я хочу быть с тобой". Даже до временных промежутков эти события не увязываются. Но, в общем, это наиболее стройная и наиболее длинная такая легенда.

- На самом деле, если не секрет, ваше семейное положение?

- Я женат и у меня дочери Ане в этом году одиннадцать лет. Жена окончила архитектурный институт.

- Эта песня - "Я хочу быть с тобой" - довольно долгое время возглавляла различные хит-парады в стране. Как вы сами к ней относитесь?

- Я к ней нормально, кстати, отношусь. Для меня эта песня в свое время была маленьким революционным шагом. Потому что тогда был период, когда все кричали "Долой!", "Гады!". Была очень популярна такая лозунговость. Мы решили немножко экспериментнуть и написать песню про любовь. Илья Кормильцев неожиданно разродился таким текстом, на котором мы, так сказать, и расширили рамки своего восприятия. Эта песня - определенный этап. Меньше политизации.

- Вячеслав, есть ли в ваших песнях строчка, которую вы могли бы назвать своим... девизом, скажем?

- Как-то не задумывался над этим. Сложно делать лозунги из собственных песен. Может быть эта - самая двусмысленная фраза: "Я - внебрачный сын Октября". Я родился 15 октября.

- Чем вы можете объяснить стремительный взлет популярности вашей группы?

- Мне кажется, что нам повезло. Просто произошло какое-то стечение обстоятельств, совершенно случайное. Я могу объяснить этим большинство "взлетов" в Советском Союзе. Во всем этом и есть, может быть, какая-то логика, но все равно - это случайная логика. Только стечение обстоятельств в определенное время.

- По не зависящим от вас причинам?

- Думаю, да. Повезло.

- Как по-вашему: советский рок стоит на месте или куда-то движется?

- Нет, он, конечно, движется. Но двигаться можно по кругу, вниз-вверх, вперед-назад... можно бесконечно суетиться. То, что рок продвинулся - это точно. Сейчас ситуация, когда все становится более ясным, раскладывается по полкам. Просто рок начинает занимать свое нормальное место в жизни, без оголтелости. Если раньше правилом дурного тона было не сходить на какой-нибудь рок-концерт, то сейчас люди поохладели, поостыли немножко. Это - нормально. И теперь музыканты должны сами делать вывод, что необходимо, видимо, осу-

ществить какой-то качественный скачок. Я думаю, нам не надо бояться идти по стопам западного рока с учетом, конечно, своих национальных особенностей. Необходимо переаривать, перерабатывать то, что делается на западе. Плюс осмысливать ситуацию у нас. Только тогда возможен этот самый качественный скачок. Но это делать тяжело и потому еще, что наша публика намного медленнее осваивает новую музыкальную информацию, чем сами музыканты или специалисты. Вот в чем сложность. Тащить эту телегу. У нас много замечательных оригинальных групп, к которым слушатель долго не мог привыкнуть. Например? "Вежливый отказ", "Апрельский марш", "Чайф"... Хотелось бы, чтобы публика быстрее реагировала на новую, более оригинальную музыку.

- Вашу песню "Скованные одной цепью" нередко называют гимном восьмидесятых. Согласны?

- В принципе, есть какая-то правота в этом, но не настолько пафосная. Это, действительно, в отжатом виде то, что можно было сказать. Мне эта песня больше напоминает газетный репортаж. Такой - краткий.

- Вячеслав, вы - человек политический? - Стараюсь не быть им. То есть, я считаю себя не политическим человеком. Не разбираюсь в этом достаточно, чтобы так называться. Естественно, получаю какую-то информацию и переариваю ее, но специально стараюсь не углубляться.

- Что читаете из прессы?

- Все, что под руки попадет, если есть настроение.

- Довольны тем, как пишут о роке?

- Мне кажется, очень много субъективного, с целью, так сказать, продемонстрировать свою компетентность. И очень редко появляются публикации с нормальным обстоятельным анализом. Чтобы интересно было читать. В общем, достаточно все это однообразно. Исключая единицы.

- Есть ли в вашем репертуаре песня, которую вам бы хотелось выделить?

- Да, есть песня, которая мне очень нравится - "Князь тишины". Она написана на стихи Эндре Ади, венгерского поэта конца XIX века. Это единственная песня, к тексту которой мы не имеем никакого отношения.

- Как вы относитесь к тому, что многие ваши песни, "Гуд бай, Америка!", к примеру, исполняют чуть ли не во всех ресторанах?

- Как я могу к этому относиться? Мы ее сейчас не играем именно по этой причине, ибо есть масса возможностей послушать ее в любом ресторане. И есть еще момент, так сказать, чисто "идеологический": необходимо пробивать новые песни, потому что на старых начинаешь просто хиреть потихоньку. А эта песня уже достаточно старая, как и "Казанова", и вообще в принципе, ряд песен, которые были написаны... как бы это сказать... с большим элементом конъюнктуры и с меньшей надеждой на то, что они выживут. А получилось как раз наоборот. Я считаю, что очень много песен должно постепенно отмирать. Единственная трудность - это поддерживать нормальный баланс, чтобы не нарушался кровообмен. Потому что всегда новые песни звучат проигрышно в отношении публики. Ей нужен эффект узнаваемости.

- Скажите, с какого времени вы поверили в себя как в рок-певца?

- Конкретной даты не существует. Все это как-то плавно произошло. Да и цели никогда такой не ставилось. Все всегда относились к этому играючи. Серьезно не думали. Да я до сих пор себя им не считаю - рок-певцом, то есть именно в такой формулировке. Член состава группы - мне так больше всегда нравилось. Меньше ответственности.

- Сколько часов в сутки отнимает у вас "Наутилус Помпилиус"?

- В поездках - практически все время. Дома - поменьше. Но тоже нужно сидеть, что-то выдумывать, если есть силы. Вообще - очень много. Причем что обидно: массу времени занимают вещи подготовительные, организационные, то есть не творческие.

- Ваши симпатии помимо музыки...

- Я все люблю делать. Потому что все, что не связано с работой, дает возможность отдохнуть. Естественно, удобнее всего что делать в моем положении? Читать книги. Кино смотреть по возможности. А страсти - они меняются. Но что-то остается надолго. Я вот до сих пор очень люблю читать Ремарка. У меня уже мозоль на языке от фразы: он мне близок в силу своей сентиментальности.

- Любите давать автографы?

- Нет.

- Как вообще переносите популярность?

- Тяжело. Мешает. Постоянное ощущение клоунады какой-то.

- Есть что-то, что по большому счету тревожит?

- Есть конечно. Собственное будущее.

- А поводы жаловаться на судьбу есть?

- Нет. Если эти поводы есть, то это не поводы, чтобы жаловаться на судьбу, а

повод жаловаться на себя, на свое собственное разгильдяйство.

- Что бы сами себе пожелали?

- Я? Душевного равновесия. Поменьше дергаться. А то такие перепады...

- А что же мешает?

- Мне кажется, больше всего мешает твоя собственная реакция на то, что происходит вокруг. Иногда просто вгоняет в депрессию. Мне очень легко испортить настроение, и достаточно тяжело вернуться в нормальное состояние. Слишком много переживаний каких-то, может быть, даже и не нужных.

- Теперь: что бы пожелали другим?

- Пожелание такое: чтобы у нас в стране... не только по отношению к музыкантам - ко всем людям... чтобы у нас поспокойнее была атмосфера. А то у нас какой-то военный климат. Гражданская война на территории, поделенной на определенные регионы, которые чего-то не могут никак поделить. Но чего - я до сих пор понять не могу.

Беседу вел В.СТОЛЬНИКОВ
Фото А.Шишкина и В.Петрова